

Василий Сергеевич проживал в пристанционном таёжном селе, растянувшемся вдоль железной дороги. С одной стороны, ломая зеркальную гладь воды, грозно накатывал Байкал, с другой — густым хвойным чернолесьем напознала тайга. Работал Василий Сергеевич дежурным по станции, в свободное время охотился и рыбачил, благо, посменная работа позволяла. С осени, когда снег неглубок, ходил с лайкой за соболем, а по глубокому снегу соболь начинал тропить, и тогда охотник вставал на лыжи, подшитые камусом, ловил на подрезку капканами. Не секрет, что пушнина заменяла валюту, ею через аукционы в пятидесятые годы прошлого столетия расплачивались за американские паровозы и вездеходные машины «студебекеры». Особенно высоко ценился головной, то есть первого цвета, соболь баргузинского кряжа. Он так и назывался: высокая головка. Соболятники тайгу по Лене-реке перед войной и после ощутимо выхолостили, заготконторы обнищали, и популяцию решили восполнять принудительным переселением из Прибайкалья. Для этого государство выделяло немалые деньги. Достаточно сказать, что за живого соболя охотнику платили две тысячи сто рублей «сталинскими портянками», как окрестил народ купюры реформы сорок седьмого года. Для

сравнения: автомобиль «Москвич» в то время стоил восемь тысяч рублей. Соболей, прошедших карантин в приёмной лаборатории зоокомбината Иркутска, перевозили самолётом до Киренска и дальше по таёжным участкам, где их выпускали из клеток, и они, почуяв волю, расселялись по дремучим урочищам Приленья. Со временем у каждого зверька обозначался свой круг обитания, и соболиное поголовье, теперь уже якутского кряжа, который отличался не только цветом, но и более высоким ворсом и более плотной подпушью, довольно быстро восстанавливалось. Южное Прибайкалье для ловли живых зверьков баргузинского кряжа было выбрано не случайно, поскольку труднодоступная гольцовая зона в отрогах Хамар-Дабана, где множество каменных россыпей, время от времени освобождалась от соболиного прироста, чему немало способствовал неурожай стланиковой кедровой шишки, ягод, миграция мышей и сокращение численности белой куропатки, которая являлась лакомством не только для соболя, но и для колонка, совы, горноста. Обладатели ценного меха наперегонки устремлялись вниз к Байкалу обживать новые угодья, богатые дичью, ягодой и орехом. Для переселения, чтобы заведомо разводилось высокоценное головное потомство, принимали соболей исключительно по цвету: от тёмноворотовых и выше. Воротовых, меховых светлой и бусой масти принимали только шкурками, которые ссаживали на длину хвоста.

Василий Сергеевич в очередной раз заключил договор с конторой зверопромысла, взял по льготной цене кое-какие боеприпасы и, придя домой, занялся подготовкой к предстоящей охоте. Подшил транспортничью лентой ичиги, занёс из чулана сработанный из солдатской шинели суконный костюм, рукавицы из собачьей шкуры, которые не прокусывал соболь, пару капканов с намотанными на дужки бинтом, чтобы не могли перебить лапку соболя, топор, десятиметровый обмёт с колокольчиками, сшитый из обрезков невода, испытанную «тулку» двадцатого калибра, жестяной пенал с дырочками, в который помещают пойманного зверька, котелок для чая. Всё ещё раз тщательно проверил, кое-что подлатал, подладил и, увязав в поняжку, подвесил на гвоздь в сенцах. После ночной смены выпало три свободных дня, и Василий Сергеевич решил завтра с раннего утра открыть сезон охоты на соболя. Перед сном накормил Белку — грудастую суку с обвислыми кончиками ушей. Она, чуя возбуждённое настроение хозяина и близкий выход в тайгу, крутилась юлой, повизгиванием выказывала долгожданную радость и нетерпение.

В половине пятого прозвенел будильник. Василий Сергеевич поднялся, омыл водой из колодца лицо, оделся, поправляя лямки, плотно уложил на спине убогую поняжку, перекинул за спину ружьё, взял Белку на поводок и вышел за ворота.

Октябрь, с его напористыми ветрами севера и снежным покровом, подходил к концу. Охотник любил это время, когда отшумевшую золотом сентября лиственную опадь окончательно накроет снегом, когда грозные быки изюбри с нагулянными лоснящимися боками, гордо закинув на лопатки могучие рога, протяжным надрывом пропели свои любовные песни, когда бурундучок, запрятав в пушистый хвост блестящие смоляные глазки, сладко посапывает в кладовой под кедром среди заготовленного на зиму ореха, когда соболь, вытягиваясь во всю шелковистую игольчатую спинку, вслушивается, определяя, из какого колка чернолесья доносится тонкий свист рябчика, чтобы потом поймать свистуна и насладиться любимым лакомством, когда и ты, первопутком поднимаясь на хребет, вдыхаешь во всю полноту лёгких кедровый свежак и, радуясь жизни, с благодарностью вспомина-

ешь отца и мать и понимаешь, что по праву рождения заповедано тебе любить и беречь красоту своей строгой родины.

Рассвет Василий Сергеевич встретил перед выходом на гриву, густо поросшую молодым кедровником, присел на валёжину перекурить, предварительно очистив от снега и подложив сухую заболонь от трухлявого пня. Сука в поисках следа рыскала покатью где-то за гривой. Охотник насыпал на газетный обрывок щепоть махорки, скрутил сигарку и подумал, что хорошо бы Белке взять парной след. Покури́в, он освежил снегом разгорячённое от ходьбы лицо, поднялся и ко-согором пошёл на хребет. С вершины поперечного распадка донёлся призывный голос Белки. Добытчик, словно подстёгнутый, вздрогнул и скорым пружинистым шагом поспешил на лай. Вскоре он увидел соболиный след, напоминающий по форме ромбический рисунок бубнового туза. «Маточка», — заключил охотник.

Белка, заслы́шав шаги хозяина, перестала лаять, и стало понятно, что соболёк затаился на дереве. Охотник вышел на рыск собачьего гона и вскоре издали заприметил развесистую пихту, на которую, поскуливая, указывала Белка.

Василий Сергеевич несколько раз снизу доверху внимательно оглядел дерево, но зверька не обнаружил, пришлось доставать топор. Когда лезвие топора дробно посеколо кору пихты, собо́ль дёрнулся и выказал себя. Он настолько плотно — полудужьем — выстлался вдоль ствола, что, казалось, слился с ним. Охотник отметил: собо́ль тёмный, а такого тем более желательнее взять живым. К посошку Василий Сергеевич прикрутил проволочную петлю и полез. Собо́ль, когда человек подобрался совсем близко, отпрянул по ветке, но прыгать побоялся: внизу, азартно повизгивая, крутилась Белка. Едва зверёк оказался в пределах досягаемости, Василий Сергеевич ловко поднёс петлю к мордочке. Было видно, как по телу маточки прокатывается дрожь. Вытянув шею, она просунула голову в удавку, но проскочить не успела — охотник резким движением отвёл в сторону шест и подвесил скрюченного зверька. Пока добытчик спускался на землю, у собо́ля, бившегося в петле, обвисли лапки. Белка, подпрыгнув, едва не вырвала хрипящего зверька из рук, пришлось осадить. В пенале собо́ль пришёл в себя, задёргался и остервенело заскрёб по жести когтями, но вскоре смирился и затих. Начало было удачным, матка по цвету оказалась тёмноворотовой, таких принимали без разговора. Василий Сергеевич приободрился. Время позволяло, и он решил заглянуть ещё в один распадок с выходом к реке. Подкрепившись варёной подмороженной телятиной и снеговым чаем с сахаром, кинул Белке мёрзлого налима да оставшуюся от немудрёного застолья хлебную корку. Пока собака расправлялась с едой, охотник запоняжился и тронулся намеченным путиком.

Идти было легко и радостно, впереди челноком бойко рыскала по снегу сучонка, за плечами поуркивал в пенале собо́ль, солнце показывало полдень, в кедровнике, перелетая от дерева к дереву, протяжными всхлипами зашлась ворожея удачи — желна. Почему-то Василий Сергеевич именно с этой птицей — чёрным дятлом, который почти всегда появлялся во время фартовой охоты, связывал своё таёжное счастье. Выйдя на чистое место, охотник обратил внимание на каркающих воронов, которые низко кружили над взлобком за падью, и поспешил туда. «Вороны зря кружить не будут», — резанула догадка.

Картина, представшая глазам охотника, ужасала. На взлобке между берёз лежала на боку матка изюбря. Комолая голова была вздёрнута, а вытянутую изящную шею у основания жевательных челюстных санок удушливо перехватила сталь-

ная браконьерская петля. На застывших, поджатых, как в беге, тонких гладкошерстных ногах, словно уголь антрацит, поблескивали копытца. Мороза не было, туша до конца не задубела, но пернатые падальщики уже успели выклевать глаза. Они, боясь остаться без сытного прокорма, с тревожным карканьем, то пикируя, то взмывая над взлобком, крестообразно чертили небо.

Во все времена среди таёжников считалось за великий грех испортить зверя или какую другую живность, будь то дичь или рыба. Василий Сергеевич, проклиная браконьеров, грубо в сердцах выругался, срезал с ног оленухи камусы — подшивать лыжи. Подкожная прослойка зазеленела, мясо успело испортиться, и теперь если куда и годилось, так разве что на приманку. Засунув камус в мешок поняги, охотник обошёл взлобок и только тут обратил внимание на то, что Белки нет рядом. Вскоре охотник вышел к соболиному пробегу, параллельно которому во всю прыть мчалась собака. Чтобы напрасно не расходовать силы, Василий Сергеевич положил на каменный приступок рукавицы, присел перевести дух, а заодно дожидаться момента, когда Белка загонит соболя и подаст голос.

Из головы не шла загубленная красавица-оленуха, всё думал: кто так искусно мог поставить петлю? Наверняка матка была стельной. Он перебирал в памяти всех охотников околотка, но никого заподозрить не мог. Скорее всего, это дело рук пришлых. Пару месяцев назад на станцию пригнали мостопоезд. Как-то в начале сентября Василий Сергеевич в Большой Черемшанке, недалеко от взлобка, где попала в петлю изюбриха, собирал бруснику. И тут на него вышли, точнее, напоролись трое мостовиков. Были они с увесистыми ношами, с ружьями, одеты по-таёжному. Один высокий, чернобородый, с бритой головой, сшибающий на мусульманина, запомнился более других. На вопрос: «Чего ищите?» расплывчато ответил: «Да вот, развеваем тут ягодные места». Было видно, что ребята устали, едва волокли ноги. «Неужели эти, с мостопоезда? Наверняка они, только не пойман — не вор».

Раздумья охотника прервал едва доносившийся лай. Василий Сергеевич определил направление и пошёл напрямик, минуя сложные зигзаги и кружевные петли гона.

Белка, засунув голову в щель между валунами, откуда доносилось злобное урчание, от невозможности достать и схватить загнанного соболя, азартно с подвывом лаяла. Василий Сергеевич схватил её за загривок, откинул и посмотрел в щель. Из темноты, похожие на раскалённые добела копеечные монетки, свирепо светились собольи глазки. Стало ясно, что зверька можно взять только голой рукой. На всякий случай охотник достал обмёт, выставил полукругом за валунами. Белка заскочила на валун и с визгом стала скрести обомшелый гранит. Василий Сергеевич просунул руку в щель. Соболю тут же вцепился в указательный палец. Охотник молниеносно зажал большим пальцем нос и потянул упирающегося зверька на себя. На выходе пальцы от жгучей боли разжались, и соболю, прыгнув, мячиком влетел в сеть обмёта, которая сложилась и накрыла его. Боясь, что Белка в азарте порвёт добычу, Василий Сергеевич упал и, отбиваясь от возбуждённой собаки, поднял запутавшегося зверька.

Расположенная фаланга сильно кровила. Охотник наковырял кедровой смолы, залепил рану и обрывком рубахи забинтовал палец.

В избу добытчик ввалился ближе к полуночи. Пока Нюта возилась в кухне, собирая на стол, Василий Сергеевич принёс фанерную клетку в два отделения с кормушками и отдельными секциями, напоминающими гайно в дупле, в которые

предварительно натолкал сена. Спасаясь от света, новоявленные узники шмыгнули в свои домики. В кормушки охотник насыпал по горсти кедрового ореха, налил в поилки воды.

Утром, выкурив соболей махорочным дымом из гнёзд к кормушкам, сначала одного, потом другого, Василий Сергеевич подробно разглядел каждого и остался доволен. По его оценке, оба достойно могли пополнить соболиное семейство таёжного Приленья, потому как принадлежали к тёмноворотовым особям баргузинского кряжа. Значит, завтра же с поездом «Иркутск — Наушки» нужно доставить живые трофеи в город, в приёмный пункт зоокомбината.

Иркутск встретил охотника туманным морозцем и густой непроглядной испариной над Ангарой. В зоокомбинате барышня лет двадцати двух, недавно окончившая пушно-меховой техникум, особенно долго и внимательно разглядывала соболей.

— Минутку подождите, — сказала наконец и вышла, закрыв за собой дверь.

Василий Сергеевич заподозрил неладное. Вскоре девица вернулась и огорошила:

— Этого, тёмноворотового, принимаем, а за второго заплатим по разряду воротового, как за шкурку. Не везти же вам обратно!

Василий Сергеевич растерялся, как будто его, бывшего фронтовика, охотника, уличили в чём-то нехорошем.

— Вот так здорово, они же по цвету одинаковы! — вырвалось само собой.

— Это по-вашему, а по-научному — разные, — сухо отозвалась приёмщица и направила свет фонаря на тушку соболя, чтобы высветить сбоку. — Видите, бока несколько светлее.

— Но это маточка, от неё приплод будет!

— Как определили, что матка? — гнула своё девица.

— Тут и определять нечего, — психанул Василий Сергеевич. — Вы что, за дурака меня держите?! У жёнки и мордочка заострённее, и фигурация иная. Вас, наверное, смущает то, что крупная?

— Да нет, на матку не похоже, — как отрезала приёмщица. — Да и цвет, как сами убедились, достаточно спорный.

Василий Сергеевич побагровел, хотел было возразить, но приёмщица, наткнувшись взглядом на суровое лицо охотника, опередила:

— Вы не волнуйтесь! Если не верите мне, я позову другого специалиста... — и, состряпав недовольную мину, вышла.

Василий Сергеевич негодовал: дама своей неправдой и упорством довела его до белого каления! Хотелось закурить, но вернулась приёмщица, на этот раз в сопровождении дамы постарше, как видно, старшего специалиста. Та, не говоря ни слова, начала оценочно разглядывать спорного соболя, и по тому, с каким видом она это делала, можно было догадаться, что ничего хорошего Василию Сергеевичу не светило. Словно угадав его мысли, вошедшая спросила чётрым голосом:

— Я не поняла, в чём несогласие?

— Я ей говорю, это маточка... — начал было Василий Сергеевич, но дама грубо оборвала:

— Но вам же по-пу-ляр-но объяснили! Этого принимаем живьём, а второго, посветлее, сдавайте шкуркой...

— Гражданин настаивает, что соболь посветлее — самка, — подсказала девица.

— Матка и есть! — недоумённо пожал плечами Василий Сергеевич, с трудом сдерживая ярость. — От неё приплод будет.

— Как узнали, что matka? — всё тем же тоном прокурора допытывалась дама.

— Да вы что, сговорились?! — вспыхнул Василий Сергеевич и неожиданно для самого себя подскочил к клетке, накинул мешок и открыл задвижку. Соболь как по команде юркнул в тёмный проём и забился в мешке, шипя и урча. Василий Сергеевич нащупал ногой грудку зверька и надавил. Послышался хруст, охотник вынул ещё дрыгающегося в предсмертной агонии соболя и, задрвав хвост, поднёс едва ли не к самому носу молодой приёмщицы:

— Восьмёрку видишь?!

Приёмщица испуганно отпрянула, залепетала:

— Ну зачем вы так...

— Затем, что вы не верите! За поддержкой пошли...

Из Иркутска Василий Сергеевич вернулся поздно вечером. На приглашение жены поужинать ответил отказом, сразу же принялся обдирать соболя. Как и полагается, начал с головы, оставляя коготки на лапках. Руки привычно делали своё дело, а в голове крутилось одно и то же. Остывшими мозгами он понимал, что вся эта комедь случилась из-за корысти приёмщиков зоокомбината. Кстати вспомнились и рассказы других охотников, например, о том, как промысловик привёз трёх соболей, но приняли только двух. Третьего пришлось оставить, заплатили как за шкурку. Да и в зверопромхозе дела обстояли не лучшим образом: бывало, оценят шкурки, сразу выдадут половину оценочной стоимости, дескать, другую получишь после дублирующей оценки в Иркутске. В результате приехавший за деньгами охотник оказывался ещё и в должниках. У живущих по протяжению железной дороги промысловиков принимали и отправляли звериные шкурки скопом, попробуй потом разберись, где чьи, вдобавок, если чья-то корыстная рука ещё и бирки поменяла. Было ли это на самом деле, Василий Сергеевич не знал, но слухи об этом ходили уже не один год.

— Да-а-а, потом доказывай! Но ничего, и мы ответим, — подвешивая в спальне над печкой пялку со шкуркой, пробурчал Василий Сергеевич.

— О чём ты, Вася, варнячишь? — спросила жена, когда муж наконец-то сел за стол.

— Скоро узнаешь! Мы тоже не пальцем деланы, — скорее сам себе ответил Василий Сергеевич.

Хребет, который задумал проверить охотник, замыкал с обеих сторон несколько распадков, в том числе и Большую Черемшанку. Перед выходом на него Белка взяла горячий след и, взвизгнув, помчалась за соболем. Вскоре подала голос, но, немного полаяв, замолчала, а через некоторое время и вовсе вернулась с окровавленным носом. Василий Сергеевич решил разузнать в чём причина, пошёл по следу вернувшейся суки. Вскоре выяснилось: соболь, спасаясь от погони, залез под корни старой ели. Когда собака с лаем прорыла лапами лаз, соболь впился ей в нос. Белка, визжа от боли, отчаянно замотала головой, сбросила, мигом закусилась и затрясла до смерти. По разбросанному и укатанному снегу было видно, как она победно каталась по мёртвой тушке соболя. Охотник рассмотрел добычу: шкура на уровне лопатки была прокушенной. Но Василия Сергеевича удивило то, что в отверстии проглядывался белый подкожный жир. Охотника заинтересовало, где так сытно мог питаться соболь, и он решил пойти в пяту соболиному следу, который привёл его к загубленной оленухе.

— Вот те раз! — воскликнул охотник.

За полторы недели так никто за маткой и не пришёл. Мостопоезд перегнали на другую станцию, и Василий Сергеевич окончательно утвердился, что это дело рук заезжих, тех самых. Изюбриху со всех сторон значительно подыели. Кроме воронов, которые, как надзиратели, неусыпно крутились около, на пир сбегались две лисицы, штук семь соболей, росомаха и колонок. Василий Сергеевич установил это по тропам, которые успели набить хищные обитатели тайги, почуяв запах добычи.

Обычно, насытившись, соболь от места трапезы далеко не уходил, отыскивал поблизости гайно и отдыхал. Случалось, дня по три спал, не выходя наружу, и, только проголодавшись, знакомой тропой спешил опять полакомиться изюбрятинкой.

Именно такого соболя на возвратном пути и застучала Белка в дупле упавшего кедра. В темнотесье звонко и раскатисто проплакала желна. Василий Сергеевич уверовал в удачу, заткнул мешковиной вход и стал прорубать заболонь. Внутри ствола послышалось урчание. Охотник привязал собаку, выставил обмёт, на порожке прорубленного отверстия насторожил капкан, распечатал вход и запалил бересту. Дым стал заполнять дупло. Вскоре, клацнув, сработал капкан...

Соболь оказался не настолько ценным, чтобы пополнить фауну приленской тайги: по цвету явно не проходил. Но после «спектакля» в зоокомбинате охотника это не огорчало, тем более, что он уже придумал, как исправить «недоработку» природы. Вернувшись домой, он велел своей Нютке надеть собачьи рукавицы и крепко держать зверька за голову, а сам надёжно связал ему лапки, взял закопчённую на огне черёмуховую палочку и стал перекрашивать мех, прокручивая прут по всему телу соболя, пока не добился чёрного, как у калоши, цвета.

Уже знакомая Василию Сергеевичу приёмщица со всех сторон долго разглядывала зверька, который, хоронясь от света лампы, крутил головой то в одну, то в другую сторону. Наконец, проговорила:

— Подголовка, принимаем.

Василий Сергеевич облегчённо вздохнул, будто скинул с души пудовую гирию. Время позволяло, и, получив деньги, он решил закрепить почин коньяком в ресторане «Арктика», а уже дома, многозначительно подняв руку, прямо с порога протянул Нютке пакет с пуховой шалью: «Подарок от хозяина тайги, принимай!» и, не раздеваясь, завалился на диван...

Утром жена спросила:

— Вася, ты чё ночью варнячил? Всё просил каких-то бишроганов.

— А-а, не бери в голову! — поморщился Василий Сергеевич, раскуривая козью ножку. — Подмороженная телятина вкуснее.

...В тот сезон Василий Сергеевич вместе с подкрашенными сдал живьём двадцать два соболя. Стал знаменит, даже попал на страницы популярного журнала «Охота и охотничье хозяйство», где на фотографии в пол-листа, широко улыбаясь, он держал в руках живого соболя. Его добыча принималась без осечки, но после публикации в журнале заниматься подлогом он уже не мог, совесть не позволяла. Однако не зря говорится, шила в мешке не утаишь. Однажды, двигая по верстаку клетки с приготовленными для вывоза в тайгу соболями, нечаянно свернули кран питьевой воды. Пока то да сё, несколько клеток со зверьками подмокли. Один из соболей сделался пегим... Подозрение упало на Василия Сергеевича, но доказать его вину было невозможно, поскольку на живых соболей бирки не вешали, да и к тому же за похожим занятием были замечены охотники-тунгусы.

Охотившиеся по договору протяженцы и жители деревни, узнав про этот случай, смеялись вдоволь. Вспоминая, смеются и сегодня.

Машинисты паровозов в засаленных телогрейках, которые при лунном свете напоминали монгольские кожаны, заходили к дежурному по станции, между делом спрашивали и про соболей. Василий Сергеевич всячески отнекивался, доказывал, что совершенно ни при чём, но машинисты, посмеиваясь, не верили.

К сожалению, мечта зоотехников развести в Приленье маточную основу чисто головных соболей мечтой и осталась. Природу не обманешь, только она раскрашивает своих обитателей согласно флоре, в которой они обитают.